

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
Глава I. ФОТОГРАФ ИЗ ЗАЛЬЦБУРГА	11
Глава II. ПОМИНАЛЬНЫЕ СВЕЧИ В БОГОТЕ	69
Глава III. ГУААРИБОС	141
Глава IV. ЧЕРНЫЕ ПСЫ	159
Глава V. ПОРОГИ КАРАКАРАИ	223
Глава VI. ПРИБЛИЖЕННЫЕ КОРОЛЯ	287
Глава VII. ЧЕРЕПАХА НА ДЕРЕВЯННОЙ НОГЕ	423

*Моему отцу,
моей матери,
моей сестре Доминике,
моей дочери Оливии*

Милли

Моим друзьям Ж.-Р. Хиршу и Ж.-П. Рейну

Моему дяде Полю, погибшему в концлагере

*Одни предполагают,
Что он взбесился. Люди пообрей
Находят в этом бешеную храбрость.
Одно лишь ясно: что в своих делах
Не может он свести концов с концами.*

Уильям Шекспир. МАКБЕТ, АКТ V, СЦЕНА 2

ПРОЛОГ

В Мюнхене я пробыл меньше часа, когда капитан Таррас сообщил мне новость: в Верхней Австрии, близ Линца, недалеко от города Маутхаузен, передовые части VII армии обнаружили новый лагерь военнопленных. По настоянию Тарраса я и еще несколько сотрудников вылетели туда немедленно на военном самолете. Он сам планировал присоединиться к нам только через несколько дней. Я должен был подчиняться Джорджу Таррасу — и не только потому, что он имел звание капитана, а я всего лишь младшего лейтенанта. До лета 1942 года я обучался в Гарвардском университете, где он был профессором международного права. Две недели назад мы случайно встретились в центре Парижа. В итоге он пригласил меня к себе на службу — в Комиссию по расследованию военных преступлений. Еще во время учебы я проникся симпатией к этому человеку. Однако, увидев его в мундире оливкового цвета на парижской улице, все же с трудом разглядел в нем прежнего профессора: оптимистичного, чаще с юмором, иногда с сарказмом выступающего перед шумной студенческой аудиторией Гарварда.

Наша команда состояла из трех человек: меня, сержанта Майка Ринальди и фотографа Роя Блэкстока. Мы были разные и не состояли в дружеских отношениях. Майк Ринальди был выходцем из Little Italy*, что

* Маленькая Италия (англ.). — Прим. перев.

на Манхэттене в Нью-Йорке. Рой Блэксток был из Виргинии. Внешне они были также абсолютно разные: Майк — невысокий, крепкий в ногах, гордился своими черными, казалось, навощенными усами; Рой — двухметрового роста, тучный, с внушительным животом. Объединяло их то, что оба они, как мне казалось, были циничны и достаточно уверены в себе. Именно в этом я видел доказательство зрелости человека и наличия у него определенного жизненного опыта, чем я, к сожалению, не обладал.

На календаре было 5 мая 1945 года. Я не имел подробной информации о том, как заканчивается война в Европе, но уже всем было известно, что русские взяли Берлин три дня назад и что впереди — полная и безоговорочная капитуляция Третьего рейха. В этой войне, дни которой были сочтены, лично я никого не убил и даже ни разу не участвовал в бою. Это было невероятно, но я в свои неполные восемнадцать лет чувствовал себя подростком, впервые попавшим в театр в самом конце спектакля, когда занавес вот-вот должен опуститься.

Мы приехали в Линц, где с помощью Ринальди пересели на грузовик, направлявшийся в Вену. В этом городе с 13 апреля находились части Красной Армии. После полудня мы уже переправились в Энс через Дунай. И здесь Ринальди снова проявил заметную активность: он убедил водителя, который, как и он, Ринальди, был италоамериканцем, довезти нас до места назначения. Это было не так просто. Сначала мы доехали до вокзала города Маутхаузен. До лагеря оставалось еще шесть километров. Не идти же пешком, пришлось даже пригрозить водителю. Вот так мы добрались до лагеря. Реба Михаэля Климрода я нашел именно здесь, вернее, впервые вышел на его след.

Самое яркое впечатление, которое я помню до сегодняшних дней, это прозрачность и легкость австрийского воздуха, наполненного солнечным светом и благоуханьем весны. Казалось, что все это бесконечно...

Запахи я ощутил позже, когда мы были почти у лагеря, вернее, не доходя до него метров двести-триста. Колонна грузовиков, крытых брезентом, преградила нам путь. Наш шофер обрадовался этому и тут же злобно заявил, что отказывается везти нас дальше. Мы вынуждены были выйти из автомобиля и завершить свой путь пешком. По мере приближения к лагерю запах чувствовался все отчетливее. Вскоре нам стало казаться, что он повис плотной, густой пеленой.

Первым молчание нарушил Блэксток.

— Это кремационные печи, — произнес он своим спокойным голосом с певучим южным акцентом. Именно этот акцент и благодушный тон лишали смысла эти ужасные слова.

Ворота лагеря были распахнуты настежь, и мы беспрепятственно прошли на территорию. Видно было, что здесь недавно побывали танки. Следы от их гусениц были еще свежими. На смену им непрерывно заезжали грузовики. Продукты, медикаменты, постельное белье выгружались в развернутые по всей территории медицинские пункты. Но этот мощный поток ревущих и движущихся автомобилей, едва проехав широкие въездные ворота, исчезал в огромном и безмолвном море живых трупов. Это странное море было обессиленным и потому недвижимым. Мы поняли, что побывавшие здесь часов пять назад танки взволновали это море до предела. Но сейчас, когда возбуждение и радость освобождения уже угасли, на лицах узников застыли маски. Люди поняли, что их кошмарам пришел конец, но сил радоваться у них уже не было. Безжизненные, потерянные взгляды полуживых, истощенных людей встречали нас повсюду. Но были и злые, полные ненависти глаза, направленные на меня, Ринальди и Блэкстока и выражающие только одно: «Почему вы не пришли раньше?»

— Какой здесь жуткий запах! — воскликнул Блэксток. — Они ужасно воняют!

Его мощная фигура продвигалась вперед практически беспрепятственно. Скелеты в полосатых лохмотьях

не способны были оказать даже малейшего сопротивления, поэтому Блэксток шел, расталкивая их абсолютно равнодушно.

Начальником лагеря был американский офицер в чине майора пехоты, о чем свидетельствовали золотые кленовые листья на его кителе. Невысокого роста, рыжий, довольно мускулистый человек представился нам как Стрэчен. Он сразу же заявил нам, что военные преступления — единственное, что его волнует в настоящее время, а если мы в этом сомневаемся, то он предлагает доказать нам обратное. Он сказал также, что пытается навести порядок в этом страшном бардаке. Для этого он попытался разделить всех узников на три категории: безнадежные, пребывающие в состоянии кризиса и находящиеся в относительной безопасности. Обреченных на смерть было много, целый легион.

— В ближайшее время умрет не меньше трех тысяч. Они сдохнут свободными, но это случится здесь, в лагере, — произнес начальник лагеря, внимательно глядя мне в лицо карими с желтым отливом глазами. — Вас зовут Дэвид Сеттиньяз и вы еврей? — продолжал свою речь майор.

— Нет.

— Так какого же происхождения ваша фамилия?

— Французского.

— Странно, она звучит, кажется, по-польски.

Но я уже не слушал начальника лагеря, а отдавал приказания сам.

Мы находились в служебных помещениях подразделений СС, и Ринальди подыскивал мне комнату. Я выбрал первую, с маленькой прихожей, в которой стояло несколько стульев. Блэкстока с нами не было, но мы знали, что он на территории лагеря уже всюду щелкает своими фотоаппаратами.

Ринальди нашел кусок картона и прикрепил его с внешней стороны двери. «Военные преступления» — эту надпись он сделал от руки, но очень тщательно и отчетливо.

Я был подавлен зловонием и звенящей тишиной Маутхаузена, хотя здесь находились тысячи и тысячи заключенных. Меня охватили стыд и отчаяние такой силы, что даже сейчас, по прошествии почти тридцати семи лет, я способен пережить и испытать эти тошноту и отчаяние точно так же, как тогда, в лагере.

Терпеть все это не было сил, и я попытался выбраться из лагеря. Как сейчас вижу плотную толпу людей, через которую я с трудом продвигаюсь. Я зашел в несколько барачков. В один из них еще не добралась бригада медиков. Пыльную полутьму кое-где разрывали желтые лучи весеннего солнца. В бараке лежали люди, умершие несколько дней назад. Тут же по трое и четверо на нарах лежали еще живые. Скелеты в тряпье шевелились и ползли мне навстречу. Они дотрагивались до меня, некоторые даже пытались уцепиться. Зловоние становилось невыносимым. Меня охватил ужас, и я выбежал из барака. На свежем воздухе, под солнцем, мое тело содрогалось от тошноты. Не помню, как оказался в узком пространстве двора между двумя строениями. Меня мучили приступы жуткой рвоты, и я был рад, что этого никто не видит. Однако я ошибался, одиночество было призрачным, потому что в какое-то мгновение ощутил на себе чей-то жгучий взгляд...

Вырытая могила была всего в нескольких шагах. Рядом с небольшой ямой лежала земля. В треугольном холмике торчала лопата. На дне могилы был виден слой негашеной извести, небрежно присыпанной землей, которую уже пожрала известь, и...

...видны были обнаженные тела нескольких мужчин, похороненных, очевидно, наспех. О том, как это произошло, нетрудно было догадаться: десяток догола раздетых мужчин бросили в яму, утрамбовали их прикладами и ударами каблуков так, что практически сровняли с землей. Сверху присыпали известью и землей. Но все же мертвецы медленно поднимались на поверхность. Уже достаточно отчетливо были видны части их

тел: руки, животы, половые органы, даже лица, рты и ноздри, которые были изъедены окисью кальция. Из могилы торчали обугленные и уже загнивающие кости.

Но самым кошмарным было то, что прямо посередине этого леденящего душу нагромождения я увидел живое человеческое лицо. Изможденное, с черными пятнами запекшейся крови и огромными, горящими каким-то неистовым светом глазами...

Человек следил за моими движениями, когда я оторвался от стены, на которую опирался. Застывший взгляд еще живого смертника я помню до сих пор.

Я сделал всего лишь два шага по направлению к могиле и услышал его голос. На французском языке, с легким акцентом, он произносил стихи Верлена:

— Боже мой! Те звуки жизнь родит простая...

Это был сон наяву, поэтому следующую строку я произнес совершенно бессознательно:

— Кротко ропщут звуки, город оглашая...

Дальше я помню лишь то, что сделал несколько шагов, отделявших меня от края могилы. Присев на корточки, я протянул руку. За нее тут же ухватилась длинная, изможденная рука семнадцатилетнего парня... Позже его назовут Королем.

ГЛАВА I

**ФОТОГРАФ
ИЗ ЗАЛЬЦБУРГА**

1

Открыв глаза, Король увидел перед собой лицо военного в совершенно незнакомой форме. Точно не эсэсовской и не фольксштурмовской. О форме русских не могло быть и речи. Король видел русских, правда, только пленных или убитых оберштурмбаннфюрером Хохрайнером. Эсэсовец всегда выпускал пулю в затылок, и на 4 мая 1945 года его личный рекорд в уничтожении мужчин, женщин и детей составил двадцать восемьдесят три убитых человека. Реб, по утверждению эсэсовца, должен был стать его последней жертвой, несмотря на их «достаточно продолжительные нежные отношения».

Король пришел в сознание за несколько минут до того, как на краю могилы появился этот его военный спаситель. Из небытия он выплывал медленно, каждую секунду отмечая, что еще жив. Сознание возвращалось постепенно. Вначале он вспомнил лицо оберштурмбаннфюрера, целующего его в засос, перед тем как приставить к его виску дуло пистолета. Затем почувствовал лицом дуновение свежего воздуха. Он понял, что лежит в могиле, но голова его почти наверху, на ней тонкий слой земли и что он может выжить и выбраться. Но сразу же после этих мыслей его настигла боль.

Болели затылок, руки и плечи, живот — кожа в этих местах была сожжена негашеной известью. Его тело было в плену обнаженных трупов, и он смог пошевелить лишь левой рукой и слегка шеей. Поперек него, как бы прикрывая, лежал Заккариус, четырнадцатилетний литовец, которого эсэсовец взял в свой гарем в лагере Гроссрозен.